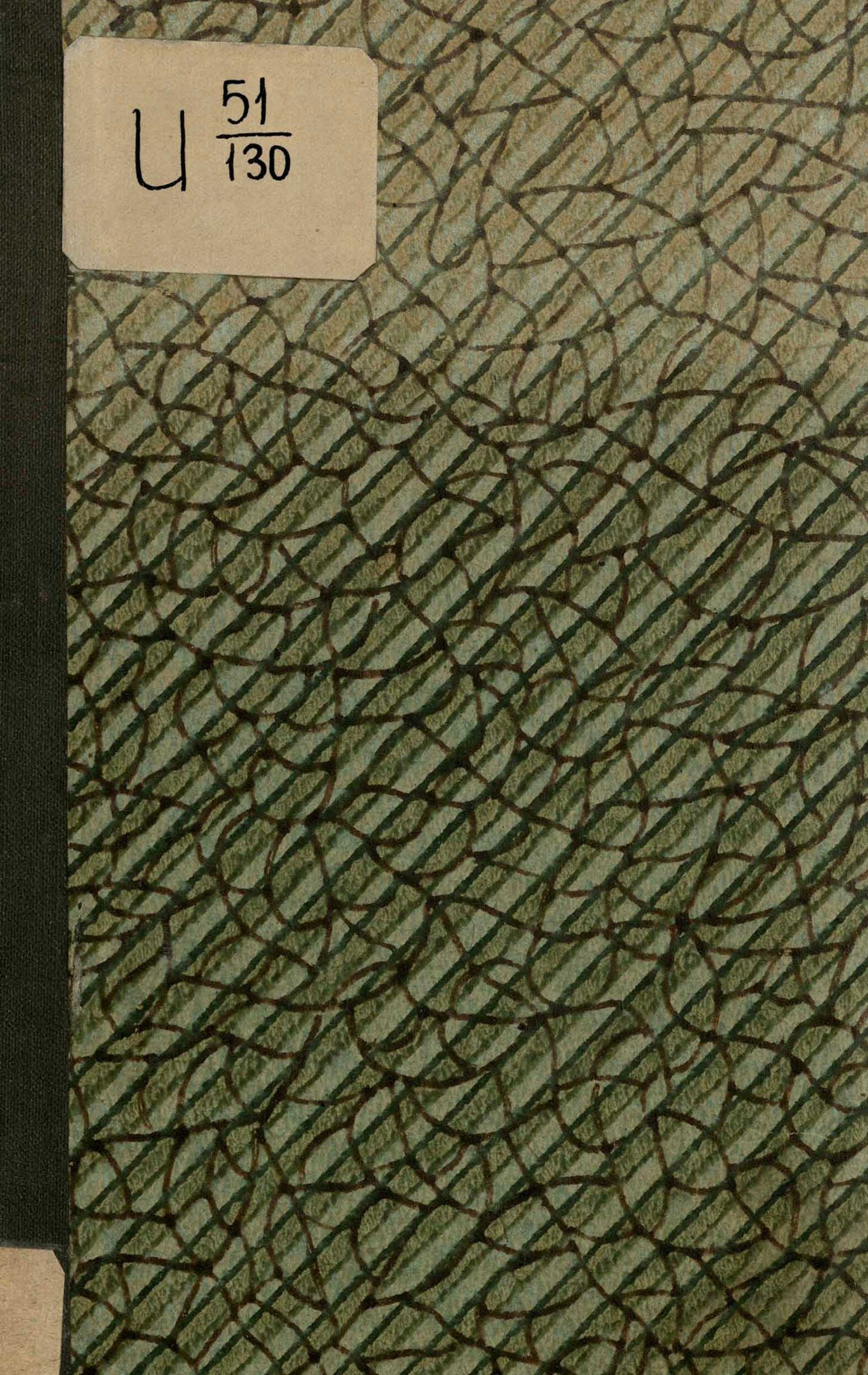
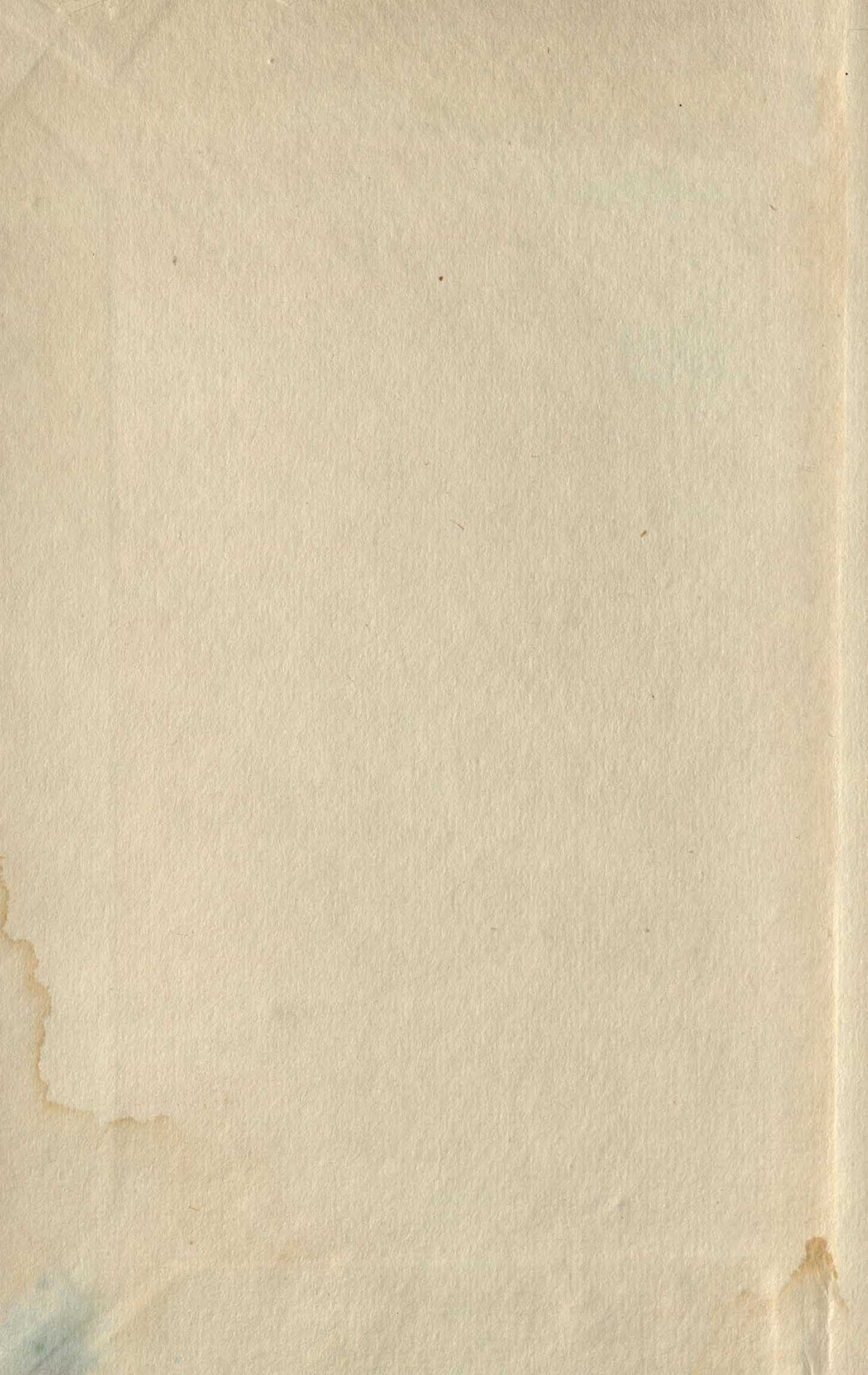
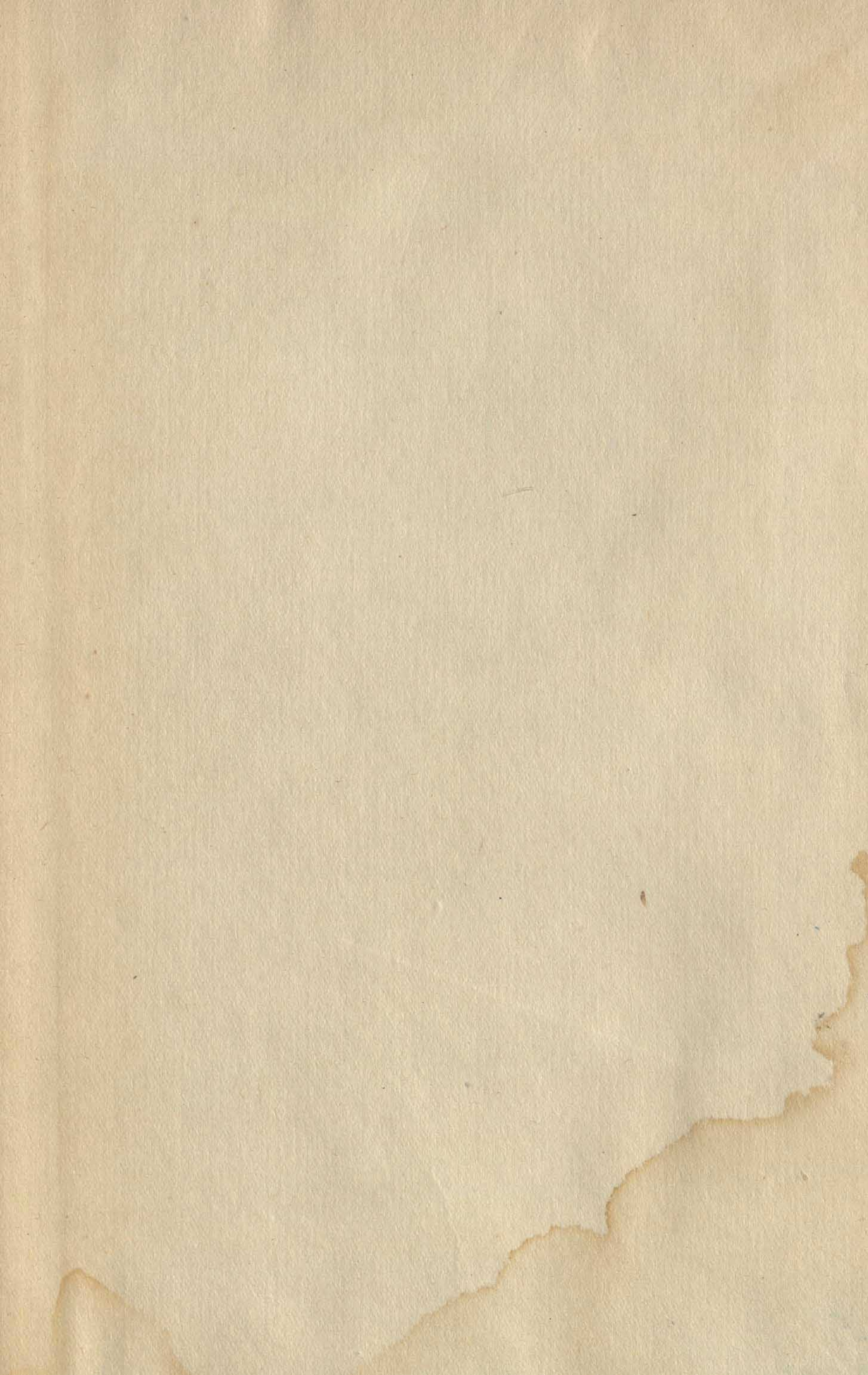
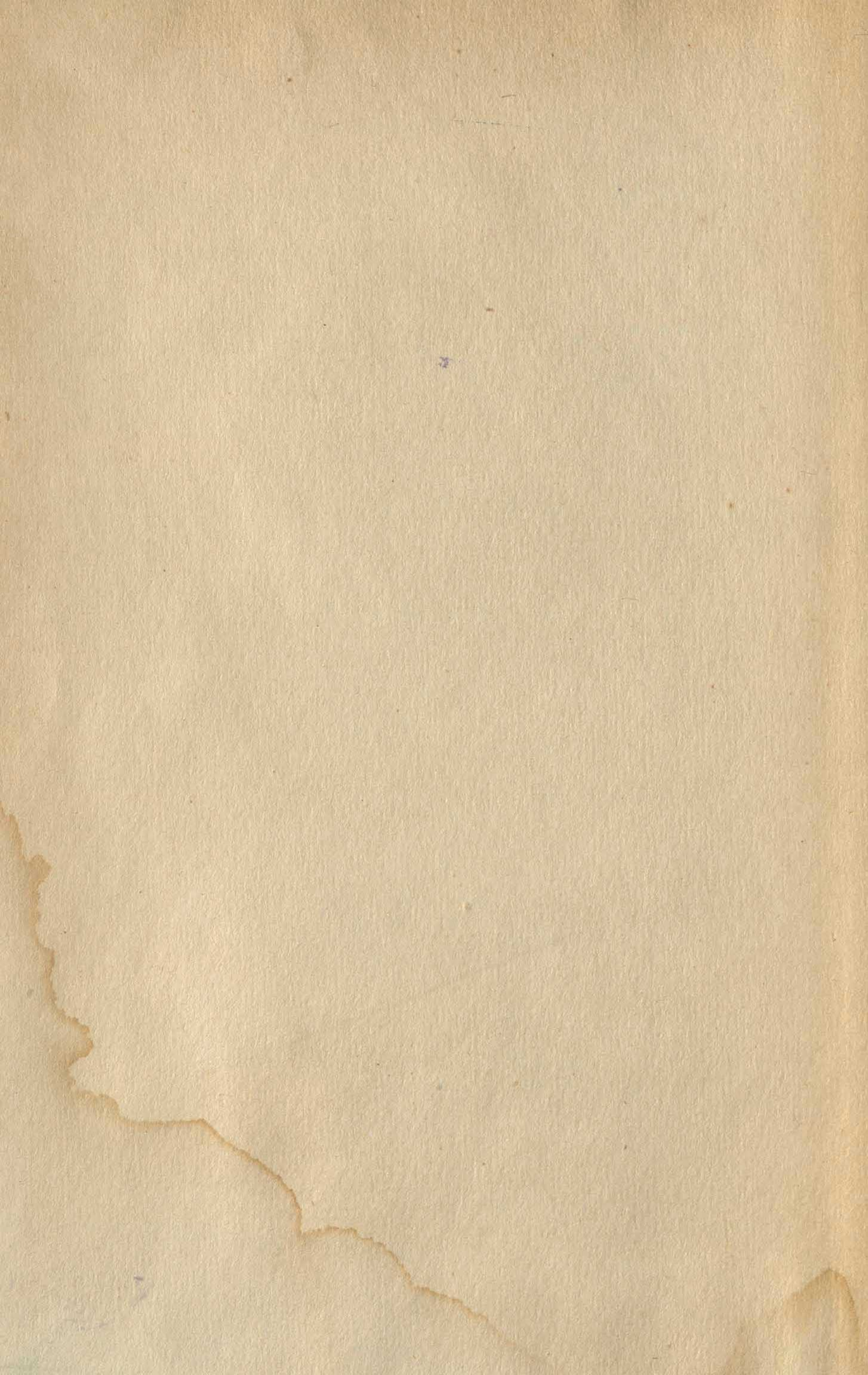

U 51/130

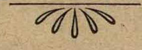
УГОЛОКЪ ТАВРИДЫ.

(ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ АЛУПКѢ).

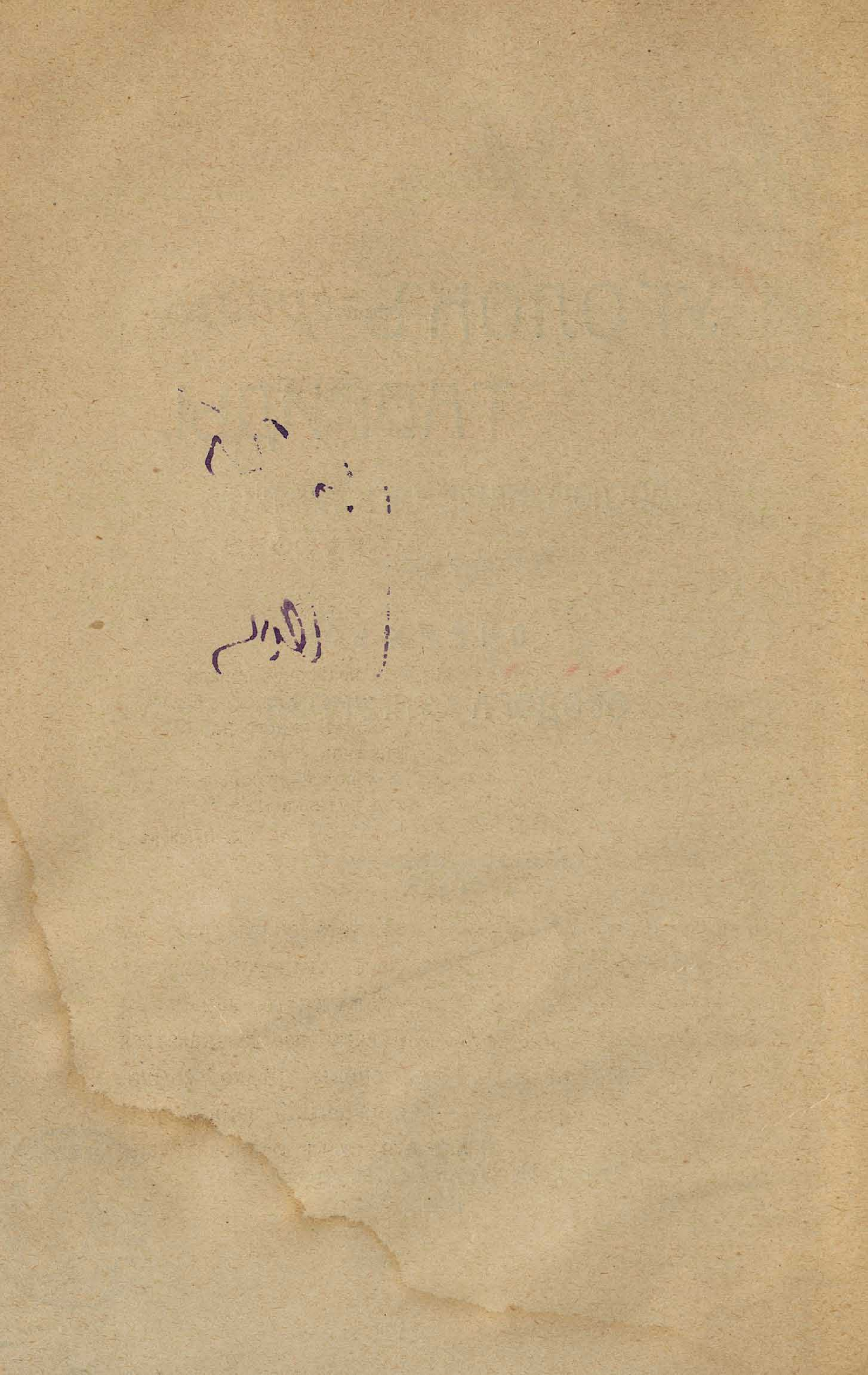
ОЧЕРКЪ

ѲЕОДОРА СУНГУРОВА.

ЯЛТА.
Типографія «Трудъ» С. М. Ятовца.
1909

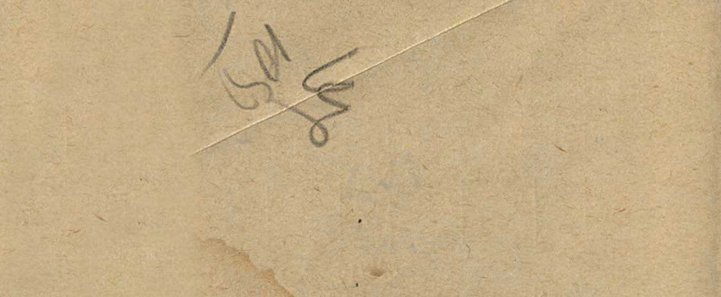

КНИГА ИМЕЕТ

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1956 г.
2						275 / 1207		4

627/16—250 тыс.

Уголокъ Тавриды.

(Воспоминаніе объ Алупкѣ).

ОЧЕРКЪ

Ѳеодора Сунгурова.

„Волшебный край, очей отрада.
Все живо тамъ... Холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса.
И струй и тополей прохлада—
Все чувства путника манитъ!“

А. Пушкинъ.

Кто побывалъ въ Крыму хотя одинъ разъ, у того всѣ впечатлѣнія отъ этого чуднаго края съ фотографической ясностью врѣжутся въ память, и время, проведенное тамъ, будетъ всегда казаться однимъ изъ пріятнѣйшихъ сновъ, рѣдко сбывающихся на яву. Крымъ—это маленькій земной рай. Такъ роскошна его природа, такъ очаровательны всѣ его уголки.

Но лучшимъ изъ нихъ слѣдуетъ признать имѣніе Князя Воронцова—Алупку, одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстечекъ на Югѣ Крыма. Она представляетъ изъ себя единственное въ своемъ родѣ, счастливое, по полнотѣ, сочетаніе характернѣйшихъ чертъ послѣдняго. Замѣчательная живописность мѣстоположенія Алупки—на берегу моря, подъ красивыми скалами Ай-Петри—соединяется съ самымъ теплымъ и ровнымъ на Югѣ Крыма климатомъ и съ роскошной, почти тропической растительностью, зеленый покровъ которой держится здѣсь круглый годъ, такъ какъ средняя температура въ Алупкѣ даже въ зимнее время бываетъ не менѣе $+15^0$ по Реомюру, и въ то время, какъ Ай-Петри,—отрогъ хребта Яйлы, покрытъ зимою пушистой снѣжной пеленой, въ самой Алупкѣ пышно цвѣтутъ розы, а въ морѣ можно купаться, хотя, впрочемъ, большая-то часть купается только до половины Октября.

Еще подъѣзжая по желѣзной дорогѣ къ Севастополю, я уже отъ многихъ въ поѣздѣ слышалъ оправдавшееся потомъ мнѣніе объ Алупкѣ, что это лучшій во всѣхъ отношеніяхъ уголокъ на южномъ берегу Крыма, который по красотѣ природы и по климату, можетъ смѣло поспорить съ столь прославленной Ниццей. Поэтому, выборъ мой остановился на Алупкѣ, и я, на другой же день по пріѣздѣ въ Севастополь, направился туда, причемъ самая то ужъ дорога въ Алупку доставила мнѣ, какъ доставитъ и каждому другому, громадное наслажденіе.

Чудный крымскій экипажъ, прекрасная тройка лошадей, быстро мчащаяся все время, замѣчательныя картины природы по пути — все это располагаетъ къ благодушному и жизнерадостному настроенію, такъ что и не замѣтишь, какъ доѣдешь до Алупки.

Впрочемъ, первая четверть дороги отъ Севастополя къ Алупкѣ, идущая по пустынной, холмистой мѣстности, не особенно интересна. Здѣсь почти не на чемъ и глазамъ остановиться и отдохнуть. Въ сторонѣ только виднѣются одиноко стоящіе памятники Севастопольской войны: Французское кладбище, словно зеленый оазисъ среди пустыни и Англійское, расположенное на высокомъ, голомъ холмѣ. Вдали-же синѣетъ Балаклавское ущелье съ едва замѣтнымъ голубымъ кусочкомъ моря. Въ общемъ, мѣстность унылая и однообразная.

Но версты съ 18-ой дорога становится живописнѣе. Идетъ она уже по мѣстности гористой, богатой растительностью. Вотъ мы минуемъ горное ущелье и передъ нами сразу развертывается вся, окаймленная синѣющими горами, Байдарская долина, со своимъ мягкимъ, ласкающимъ взоръ, колоритомъ. Это — сплошное море цвѣтовъ и зелени, плодовыхъ деревьевъ и луговъ, оживляемое серебрящейся извилистой рѣченкой и пріютившимися тутъ поселками съ рядами коренастыхъ вѣковыхъ дубовъ.

Незамѣтно мы поднимаемся все выше и выше къ Байдарскимъ горнымъ воротамъ, надъ которыми нависъ плотный, бѣловато-сѣрый туманъ, начинаю-

щій постепенно пронизывать. Но здѣсь уже не до него: тутъ весь превращаешься во вниманіе только къ прелестямъ окружающей природы. Непрерывною цѣпью тянутся громадныя, высокія горы, сплошь покрытыя роскошными лѣсами. Горно-лѣсные ручьи тутъ и тамъ пересѣкаютъ дорогу; а изъ устроенныхъ по мѣстамъ около нихъ водоемовъ жадно пьютъ живительную влагу неуклюжіе, но сильные волы, попарно запряженные въ скрипучія арбы. Добродушный татаринъ—Крымчакъ любезно сдвигаетъ съ дороги свою арбу, и мы, напоивъ лошадей, несемся опять лихо впередъ.

Наконецъ, поднялись мы на самую высокую точку горъ (2000 фут. надъ уровнемъ моря), къ высѣченнымъ въ вершинѣ ихъ Байдарскимъ воротамъ, скрывающимъ пока отъ нашихъ глазъ все, находящееся за ними. Поднявшійся ливень заставилъ насъ переночевать здѣсь на станціи; а на другой день, съ восходомъ солнца мы тронулись въ дальнѣйшій путь.—Лишь только проѣхали мы чрезъ узкія, но длинныя Байдарскія ворота, съ устроенной на верху ихъ площадкой, какъ передъ нами, словно по мановенію волшебнаго жезла, открылась дивная картина Южно-Крымскаго берега, лежащаго внизу, какъ бы въ глубокой пропасти у безграничнаго голубого моря. Отъ Байдарскихъ воротъ, съ страшной крутизны начинается уже спускъ на южный берегъ Крыма. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ приходится ѣхать причудливо извивающи-

мися зигзагами и передъ нами все время, какъ путеводный маякъ, виднѣется стоящая на утесѣ изящная Байдарская церковь, въ которой, заѣхавъ по пути, я долго любовался изящной роскошью внутренней отдѣлки, а главное—художественной живописью; особенно привлекаютъ вниманіе образа: Маковскаго «Рождество Христово» и Урзукова «Тайная Вечеря».

Характеръ мѣстности, начиная отъ Байдарскихъ воротъ, мѣняется. Мы ѣдемъ на половинѣ горнаго хребта Яйлы по твердому и гладкому, какъ скатерть, шоссе, обнесенному каменнымъ барьеромъ, и до самой Алупки, не отрываясь, можемъ любоваться лежащимъ глубоко внизу безбрежнымъ моремъ, лѣсами и приморскими дачами, а вверху—волнистою цѣпью исполинскихъ скалъ, нависшихъ мѣстами надъ самой дорогой.

Но вотъ мы проѣхали надъ Симеизомъ, съ его дворцомъ и красивой, выступающей изъ моря, скалой «Дива» и невольно издалека еще, версты за четыре до Алупки, приковываемъ свое вниманіе къ возвышающейся надъ горною цѣпью и эффектно вырисовывающейся па фонѣ лазурнаго неба зубчатой коронѣ гигантскихъ размѣровъ. Это—увѣнчанная самою природой вершина Ай-Петри, господствующаго надъ лежащей у его подножія Алупкой, для которой онъ является характернѣйшимъ украшеніемъ, придающимъ всей Алупкѣ тонъ какой-то особенной красоты.

Проѣзжаемъ нѣсколько еще, и передъ нами во всемъ, наконецъ, величіи, во весь свой 600 саженный надъ уровнемъ моря ростъ, выступаетъ вѣнценосный красавецъ Ай-Петри. Его бѣловато-бурыя съ тонко-синимъ оттѣнкомъ скалы совершенно отвѣсны, въ видѣ какого-то полуразрушеннаго, но еще грознаго замка, или неприступно-каменной стѣны съ выдавшимися кое-гдѣ неровностями, по хожими на ребра; растительности на нихъ нигдѣ никакой—словно обглоданы всѣ. Только по темнымъ, отвѣснымъ разсѣлинамъ скалъ какимъ-то чудомъ пріютились и прячутся тощія деревца, словно жалкіе пигмеи, разсѣянные исполиномъ Ай-Петри, послѣ дерзкаго, но неудачнаго приступа ихъ противъ него. Суровой красотой, дикой могучестью и какой-то загадочно-зловѣщей неподвижностью вѣетъ отъ неприступнаго Ай-Петри. Такъ и думается, что вотъ будто какой-то стражъ Тавриды—исполинъ смотрѣлъ, смотрѣлъ когда-нибудь на яростно бушевавшее внизу и устремлявшееся на землю море и вдругъ, грозно нахмуривъ сѣдыя свои брови, надвинулъ корону на самые глаза, да такъ, съ напряженными мускулами и окаменѣлъ на вѣки; а безпощадное время, какъ ножемъ, усѣкало его могучій корпусъ, пока, наконецъ, не обнаружились его буроватыя ребра. Подножіемъ каменнаго колосса, этого нерукотворнаго памятника геологическихъ переворотовъ Тавриды, служитъ шатрообразная гора «Крестовая», покрытая пушистымъ зеленымъ ков-

ромъ изъ густо разросшагося лѣса, чѣмъ еще сильнѣе оттѣняется обнаженность Ай-Петри, гармонирующая съ общимъ его грозно-величественнымъ характеромъ.

Наконецъ, мы оторвали отъ Ай-Петри свои глаза, чтобы снова полюбоваться и моремъ; но едва только успѣли сдѣлать это, какъ взоръ нашъ невольно, по пути, останавливается на промежуткѣ между горами и синѣющимъ моремъ; это пространство—море роскошной, сочной зелени садовъ, рощицъ и виноградниковъ, на фонѣ которой, оживляя горно-морской ландшафтъ, выдѣляется, какъ обитаемый островъ среди океана, красавица Алупка, живописно раскинувшаяся по спускающимся къ морю горнымъ террасамъ. Масса хорошенькихъ изъ сѣроватаго камня дачъ пестрѣетъ своими крышами, башенками и балкончиками въ перемежку съ купами пирамидальныхъ тополей и темно-зеленыхъ кипарисовъ, съ высотой и стройностью которыхъ споритъ только развѣ красивый минаретъ мечети въ серединѣ селенія. А надъ всѣми по красотѣ и грандіозности царитъ окруженный паркомъ сѣровато-зеленый Воронцовскій дворецъ изъ крымскаго порфира, (чудной архитектуры, въ видѣ средневѣковаго величественнаго замка), съ высокими зубцами и съ множествомъ башень и башенокъ по бокамъ и на горизонтальной крышѣ, красиво соединенныхъ между собою по три, по пяти вмѣстѣ. Вообще, сочетаніе синевато-бурыхъ скалъ Ай-Петри,

лазурнаго неба, нѣжно-голубого моря и утопающей въ морѣ разнообразной зелени Алупки съ горделиво стоящимъ княжескимъ дворцомъ представляетъ обворожительную картину.

Но вотъ нашъ экипажъ надъ самой уже Алупкой; ямщикъ затормозилъ колеса, и мы начинаемъ медленно спускаться. Въѣзжаемъ сначала въ извилистую улицу, въ которой видимъ только прислонившіяся къ огромнымъ камнямъ сакли съ набѣленными стѣнами и плоскими крышами, гладко убитыми глиной. Кругомъ развѣсистый грецкій орѣхъ, кусты кизиля и виноградники. Это, такъ сказать, предмѣстье Алупки, здѣсь живутъ мѣстные туземцы—южно-крымскіе татары. Группы ихъ встрѣчаются намъ все чаще и чаще. Они останавливаются и провожаютъ своими глазами новаго пріѣзжаго, съ неменьшимъ любопытствомъ разглядывающаго ихъ. Пожилыя женщины въ широкихъ платьяхъ, накинутыхъ на плечи шелковыхъ халатахъ и въ чадрахъ; молодыя дѣвушки въ цвѣтныхъ, перетянутыхъ кушакомъ, узкихъ блузахъ и въ вышитыхъ шелками или золотомъ тюбитейкахъ, изъ подъ которыхъ болтается рядъ тонкихъ, длинныхъ косичекъ, окрашенныхъ, какъ здѣсь принято, въ оранжевую краску; черныя же густыя брови соединенны на переносьѣ линіей черной краски.

Особенно характеренъ здѣсь типъ мужчинъ. При первомъ же взглядѣ на нихъ видно, (чего не замѣтно въ женщинахъ), что въ ихъ жилахъ те-

четъ кровь не однихъ только татаръ, но и грековъ и генуэзцевъ, населявшихъ когда-то Крымъ. Всѣ они темные брюнеты и отличаются мощной, стройной фигурой и правильными чертами лица. Черные, курчавые волосы падаютъ на высокій лобъ красивыми кольцами, изъ подъ которыхъ лукаво сверкаютъ жгучіе, выразительные глаза.

Красивой внѣшности мужчинъ соотвѣтствуетъ и ихъ очень эффектный костюмъ: надѣтая на бекрень черная барашковая шапка съ звѣздообразной мѣдной бляхой на верху; короткая (только до шароваръ) ситцевая, а то и шелковая блузка, или бархатная куртка съ расшитой золотомъ грудью и черные шерстяные или бархатные шаровары, соединенные съ блузкой широкимъ, затканнымъ золотомъ, поясомъ, или же простымъ, ярко-краснымъ кушакомъ. Видъ у всѣхъ этихъ туземцевъ очень самодовольный, и ходятъ-то все они уперши «руки въ боки»; народъ видимо, очень избалованный, особенно тѣ, которые ремесломъ себѣ избрали—быть проводниками.

Но довольно уже о мѣстныхъ обитателяхъ татарскихъ переулковъ. Послѣдніе оставляютъ у пріѣзжаго не особенно пріятное впечатлѣніе, такъ какъ экипажъ, двигаясь по этимъ узкимъ, извилистымъ переулкамъ, съ трескомъ ежеминутно подскакиваетъ и накреняется то на одинъ, то на другой бокъ, налетая на валяющіеся по дорогѣ камни, выбитые бурными дождевыми потоками; и въ это

время ужъ старательно позируешь въ экипажѣ, чтобы зубы и кости остались цѣлы.*)

Наконецъ, пріѣхали мы въ самую Алупку. Уличная жизнь развита здѣсь, повидимому, мало. Только на базарной площади, около магазиновъ толпятся кучки народа, да въ кофейняхъ, или около нихъ благодушествуютъ правовѣрные, поджавъ подъ себя ноги и увлекаясь кальяномъ.

Закусивъ въ гостинницѣ и оставивъ тамъ свои вещи, я отправился на поиски себѣ комнаты, при чемъ мнѣ воочію пришлось убѣдиться, какія высокія цѣны на все: за комнату, за столъ и пр. ца-

---

*) Въ настоящее время эта дорога по качеству не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что было десять лѣтъ тому назадъ; да и вообще Алупка, какъ селеніе и куротъ, сильно измѣнилась за этотъ десятилѣтній періодъ и измѣнилась, нужно замѣтить, къ лучшему во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, паркъ, этотъ „гвоздь Алупки", производитъ еще болѣе благопріятное, чѣмъ ранѣе, впечатлѣніе своей замѣчательной чистотой, что можно отмѣтить и относительно вообше Алупки. Оздоровленію почвы, окружающаго воздуха и вообще гигіеничности этого курорта сильно содѣйствуетъ теперь устроенная вездѣ канализація, результатъ дѣятельности мѣстнаго „Общества благоустройства Алупки", устроившаго, кромѣ того, водопроводъ, освѣщеніе (даже на отдаленныхъ улицахъ) и курзалъ въ паркѣ. Въ послѣднемъ же (на берегу моря) прекрасно оборудовано теперь ванное заведеніе, функціонирующее почти круглый годъ. Кромѣ того, въ Алупкѣ въ настоящее время гораздо болѣе врачей, практикующихъ здѣсь и зимой. Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить и то, что теперь непосредственно изъ Алупки устраиваются (конторой извозчиковъ) экскурсіи по прекраснымъ окрестностямъ описываемаго курорта, который по справедливости можно считать симпатичнѣйшимъ на южномъ берегу Крыма. Вполнѣ естественно поэтому, что съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе растетъ количество новыхъ дачъ, особенно по направленію къ Симеизу. Въ этой же части Алупки, на высокомъ, открытомъ мѣстѣ, близъ кладбища выдѣляется на фонѣ скалъ новый. величественный храмъ.

Примѣчаніе автора (1909 г.).

рять на южномъ берегу Крыма. Послѣ долгихъ мытарствъ мнѣ удалось, наконецъ, найти подходящую комнату въ одной изъ дачекъ въ верхней улицѣ, и я, не теряя времени, водворился въ ней, чтобы отдохнуть, наконецъ, послѣ шестидневнаго пути отъ Казани.

Своимъ выборомъ дачи въ Алупкѣ я былъ очень доволенъ и никогда потомъ не раскаявался въ немъ. Небольшой съ террасой домъ окруженъ былъ съ трехъ сторонъ садомъ; подъ окнами пышно цвѣтутъ олеандры и розы и заманчиво качаются золотистыя гроздья вьющагося винограда. Окна комнаты обращены на югъ. Предъ глазами, внизу пестрѣетъ Алупка и разстилается безпредѣльная, нѣжно-голубая морская равнина, оживляемая пароходами и парусными судами, кажущимися издали гигантской птицей, распластавшей надъ водой свои бѣлыя крылья. Видъ вообще чудный, просто глазъ бы не оторвалъ!.

Хорошенько отдохнувши послѣ дороги, я началъ мало-по малу болѣе основательно ознакомляться съ Алупкой, и при этомъ всѣми ея красотами былъ очарованъ не менѣе, чѣмъ и общимъ ея видомъ.

Однимъ изъ главныхъ украшенiй Алупки служитъ дворецъ князя Воронцова съ прилегающимъ къ нему громаднымъ паркомъ (до 150 десятинъ). Усиливать красоту этого величественнаго дворца (въ

арабскомъ стилѣ) рука человѣка заставила и саму природу: высокія башенки и мощныя, словно крѣпостныя, стѣны его покрыты въ одномъ мѣстѣ почти непроницаемой сѣтью темно-зеленаго плюща, въ другомъ-громадными, въ нѣсколько саженъ высоты, вьющимися розами самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ; двое же дворцовыхъ воротъ и стѣны около нихъ разукрашены роскошными нѣжно-лиловыми кистями глициній, толстые и извилистые стволы которыхъ съ богатою зеленью, плотно прильнули къ стѣнамъ. Отъ подобныхъ декоративныхъ растеній характеръ дворца, мрачно-величественнаго, пріобрѣтаетъ еще болѣе поэтичности и привѣтливости.

Замѣчательнѣйшею, по красотѣ и оригинальности частію дворца является его фасадъ, обращенъ онъ къ морю и украшенъ вверху по краямъ зубцами и перилами изъ крымскаго порфира. Къ центральной же части его прилегаетъ, такъ называемая, „Львиная" терраса съ углубленной внутрь дворца высокой, полукруглой нишей съ воздушными балкончиками и порфировыми колоннами, отъ которыхъ прелестно оттѣняются бѣлыя стѣны ниши съ тонкими, какъ кружева, скульптурными украшеніями изъ бѣлаго мрамора. А въ глубинѣ ниши высоко вверху по овалу вырисовывается арабская надпись крупными золотыми буквами. Эта ниша и есть знаменитая „Альгамбра" Воронцовскаго дворца, одна изъ главныхъ достопримѣчательностей на южномъ берегу Крыма. Ея изящная красота и открываю-

щійся отсюда видъ очаровываютъ всѣхъ безъ исключенія.

Отъ террасы идетъ къ парку, или, вѣрнѣе, сначала къ роскошному цвѣтнику широкая, длинная, отлогая лѣстница, по обѣ стороны которой стоятъ, какъ живые, шесть бѣлыхъ мраморныхъ, художественной работы, львовъ: спящихъ, пробуждающихся и бодрствующихъ, а въ промежуткахъ между ними красивые изъ бѣлаго же мрамора саркофаги съ цвѣтами. Эта „Львиная терраса“ съ лѣстницей, окруженная тропическими растеніями, бѣлыми мраморными съ тонкой рѣзьбой, фонтанами на площадкѣ и такими же диванчиками и вазами съ алоями, господствуетъ надъ моремъ, надъ вершинами лавровъ, кипарисовъ и цвѣтущихъ манголій. Видъ отсюда, особенно въ лунные вечера, положительно дивный: въ одномъ мѣстѣ Ай-Петри поражаетъ своей мощностью и суровой красотою, здѣсь Воронцовскій замокъ съ чудной Альгамброй манитъ своимъ сказочнымъ характеромъ, тамъ очаровываетъ окаймленное зеленѣющими берегами море во всемъ его великолѣпіи.

Видно вообще, что Кн. Воронцовъ (умершій уже) обладалъ недюжиннымъ художественнымъ вкусомъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ и разбитый имъ вокругъ дворца громадный паркъ, который, по количеству и разнообразію растеній, можетъ быть названъ и богатѣйшимъ ботаническимъ садомъ. Здѣсь можно встрѣтить деревья и кустар-

ники самыхъ разнообразныхъ породъ, отъ обыкновенныхъ, встрѣчающихся у насъ на Сѣверѣ, и до тропическихъ,—рядомъ съ кудрявой березой и кедромъ—пальму, кипарисъ и магнолію.

Весь паркъ, раскинувшійся по склону горы, условно раздѣляется на „Нижній", идущій отъ дворца до моря, и на „Верхній", простирающійся вверхъ отъ многочисленныхъ дворцовыхъ строеній, отличающихся красотой и солидностью. Въ „Нижнемъ" паркѣ особенно хороши грустная кипарисовая аллея съ таинственнымъ полумракомъ и, въ противоположность ей, щедро освѣщаемая солнцемъ и луной, дорожка, идущая подъ „старымъ дворцомъ" (небольшое бѣлое зданіе съ башней) по обширной, открытой со всѣхъ сторонъ, полянкѣ съ красивыми цвѣточными клумбами, купами кипарисовъ, развѣсистыми платанами и съ роскошнымъ видомъ на море.

Но особенно привлекателенъ отличающійся широкимъ просторомъ „Верхній" паркъ съ цѣлымъ рядомъ живописныхъ полянокъ и прудовъ, съ могучими кедрами и тѣнистой каштановой аллеей; близъ же прудовъ возвышается такъ называемый „Хаосъ": высокая гора живописно нагроможденныхъ самою природою каменныхъ глыбъ, съ глубокими обрывами и съ сосновой рощицей на верху. Особенно красивъ отсюда видъ Ай-Петри въ лунныя ночи зимой, когда луна, вырвавшись изъ за бѣлокурыхъ снѣжныхъ облаковъ, обливаетъ Ай-Петри своими яркими лучами, и его окаймленная снѣгомъ

зубчатая корона и обледенѣвшіе бока искрятся какимъ-то фантастическимъ голубоватымъ огонькомъ.

Вообще весь паркъ разбитъ съ такимъ художественнымъ вкусомъ, что даже самый внимательный и прихотливый глазъ не могъ бы, кажется, пожаловаться на однообразіе. И дѣйствительно, здѣсь душистая лавровая рощица или купа печальныхъ кипарисовъ привлекаетъ взоръ, тамъ манитъ аллея роскошно цвѣтущихъ олеандровъ или магнолій съ великолѣпными бѣлыми цвѣтами, въ видѣ громадныхъ лилій; въ одномъ мѣстѣ тянетъ путника отдохнуть подъ сводомъ пышныхъ каштановъ или развѣсистыхъ чинаръ, въ другомъ-искушаешься желаніемъ прилечь на ярко-зеленую полянку съ ароматичными крымскими соснами и ливанскими кедрами. Цѣлые лабиринты тѣнистыхъ аллей съ свѣсившимися по мѣстамъ ліанами и вьющимися розами извиваются и скрещиваются повсюду, заставляя блуждать и не разъ приходить къ одному и тому-же мѣсту. Тутъ дышатъ прохладою таинственные гроты съ сѣдыми, нависшими глыбами гранита, кажется, будто готовыми придавить каждаго, кто вздумаетъ пріютиться здѣсь отъ зноя; тамъ шумятъ водопады изъ ледяной, горной воды, то стремительно, гремящимъ каскадомъ низвергаясь съ кручи, то нѣжно облизывая, словно языкомъ, большіе, отлогіе камни съ бархатистой, позеленѣвшей поверхностью.

На одномъ изъ трехъ, съ прозрачной водою, пру-

довъ, въ которыхъ важно разгуливаетъ стерлядь, бьетъ изъ скалы фонтанъ гигантской струей, эффектно разсыпающейся, при паденіи, въ снопы мельчайшихъ радужныхъ пылинокъ.*)

Ни одинъ, кажется, изъ горныхъ осколковъ не оставленъ здѣсь безъ художественнаго умысла. Въ одномъ мѣстѣ затканы они густою сѣтью цѣпкаго плюща, въ другомъ—стоятъ красивымъ утесомъ, вершина котораго крѣпко, какъ желѣзнымъ обручемъ, обнимается корнями какого нибудь растущаго на немъ коренастаго, тѣнистаго деревца.

Нѣкоторые же, стоящіе у берега каменные осколки, въ нѣсколько, можетъ быть, сотъ или тысячъ пудовъ каждый, какъ напр. „скала Айвазовскаго", „Фрейшутцъ", и др. насквозь просырѣвшіе и угрюмые, но мощные, грудью своей отражаютъ приступы гигантскихъ, свинцовыхъ съ бѣлоснѣжными гребнями волнъ, которыя каждый разъ, ударившись о скалы съ шумомъ и гуломъ, на подобіе пушечнаго выстрѣла, отскакиваютъ обезсиленными прочь, скрежеща увлекаемыми мелкими камнями, но съ тѣмъ, чтобы снова, со стономъ раненнаго звѣря и съ пѣной безсильной ярости, возобновить хотя и безуспѣшную аттаку. Особенно же эффектенъ бываетъ прибой морскихъ валовъ у такъ называемой „Рыбачьей пристани" (близъ купаленъ). Разгулявшись по изумрудной поверхности

*) Теперь, къ сожалѣнію, этотъ фонтанъ уже не дѣйствуетъ.

Примѣчаніе автора (1909 г.).

ревущаго моря и то вздымаясь, то опускаясь, гигантскія волны, подошедши, наконецъ, къ упомянутой „Рыбачьей пристани“, прорываются здѣсь, съ бѣшеной силой, сквозь тѣсную гряду прибрежныхъ утесовъ, дружно разбиваются ими и моментально превращаются въ миріады пѣнистыхъ брызгъ; послѣднія же, со свистомъ взлетѣвъ высоко вверхъ, словно снѣжные хлопья, проносятся по воздуху и бѣлоснѣжной пеленой ложатся затѣмъ на утесы. Все это производитъ полную иллюзію разыгравшейся надъ моремъ снѣжной мятели, что особенно бываетъ пріятно живущимъ здѣсь сѣверянамъ, какъ напоминаніе о далекой родинѣ.

Здѣсь же, около „Рыбачьей пристани“, на широкой, поросшей травою, полянкѣ у моря, словно на бархатномъ, зеленомъ коврѣ, красуется величавая, ослѣпительной бѣлизны, колоннада въ греческомъ, античномъ стилѣ, съ фонтаномъ въ серединѣ.

Но всѣхъ прелестей княжескаго парка, едва ли не лучшаго на югѣ Крыма, и не перечислить. Паркъ этотъ, по завѣщанію покойнаго кн. Воронцова, всегда открытъ для публики и очень усердно, конечно, посѣщается ею. Лишь только спадетъ зной и повѣетъ легкой вечерней прохладой, какъ всѣ аллеи и наиболѣе уютные уголки парки, иногда безлюдные днемъ, начинаютъ оживляться. Излюбленнымъ же мѣстомъ для любителей морского воздуха является берегъ маленькой бухточки около купаленъ въ „Нижнемъ“ паркѣ. Красивую и глу-

боко привлекательную картину представляетъ она изъ себя, когда берегъ здѣсь пестрѣетъ отъ массы разсыпавшихся по нему поклонниковъ моря. Одни тутъ безмолвно, задумчиво любуются далью морской, другіе—мирно бесѣдуютъ, а кто-такъ изощряется другъ передъ другомъ въ бросаніи камешковъ въ море. И старый и малый съ одинаковымъ увлеченіемъ предаются этому невинному занятію. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ вдругъ иногда раздается дружный, искренній смѣхъ, когда кого нибудь изъ замечтавшихся предательски облизнетъ зеленоватая соленая волна.

Вообще, здѣсь, видимо, особенно царитъ умиротворенность, и отъ всѣхъ, хоть на время, вѣетъ непринужденностью и жизнерадостностью. Сюда собираются тѣ, кто не потерялъ еще способности быть подъ воздѣйствіемъ красотъ природы, наслаждаться ею и, хотя на краткое время, отрѣшаться отъ мысли о прозаическихъ мелочахъ жизни.

Особенно-же могуче вліяніе Крымской природы сказывается, когда созерцаешь ее съ роскошной Алупкской „обсерваторіи", каковой является вершина гиганта Ай-Петри. Находясь здѣсь на высотѣ орлинаго полета, на краю отвѣсной скалы и имѣя предъ собой рѣдкій, по широтѣ, кругозоръ, челокъ невольно возвышается духомъ и чувствуетъ себя отрѣшеннымъ отъ суетливаго человѣческаго муравейника, утопающаго гдѣ-то тамъ далеко, въ глубинѣ живописной и заманчивой пропасти.

Я никогда не забуду того глубокаго впечатлѣнія, которое произвели на меня видѣнныя съ Ай-Петри картина восхода солнца и панорама чуть не четверти южнаго берега Крыма. Экскурсію на Ай-Петри совершалъ я два раза, но особенно удачно въ первый разъ (въ концѣ іюля 1898 г.) съ большой кампаніей страстныхъ поклонниковъ крымской природы.

Чтобы придти на Ай-Петри къ восходу солнца, мы отправились изъ Алупки въ 10-мъ часу вечера. Путь былъ не изъ легкихъ, хотя въ высшей степени и пріятный. Неотступно слѣдуя за своимъ проводникомъ-татариномъ, мы, словно бандиты, каждый съ легкой ношей и остроконечнымъ посохомъ, шли по узкимъ горнымъ тропинкамъ, извивающимся иногда по самому краю обрывовъ, среди стараго хвойнаго лѣса, въ таинственной полутемнотѣ, несмотря на довольно ясный лунный вечеръ. Все время приходилось взбираться въ гору по склону южныхъ контръ-форсовъ Яйлы, по крутымъ иногда подъемамъ, по румамъ пересохшихъ горныхъ ручьевъ. Изъ подъ ногъ временами несется гремящій въ ночной тишинѣ потокъ камней, заставляя отскакивать скорѣе въ сторону. Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, устали мы, сравнительно, мало, благодаря живительному сосновому воздуху и живописности пути.

Достигши вершины Ай-Петри, мы тотчасъ-же развели костеръ, для большей уютности, и заку-

сили; кое-кто и вздремнулъ подъ шумокъ. А въ четвертомъ часу утра расположились мы на кремнистомъ гребнѣ Ай-Петри и устремили взоръ свой на востокъ. Вслѣдствіе сильнаго напряженія и нѣкоторой усталости, нами начала-было овладѣвать позѣвота. Глаза у всѣхъ сонные, лица-туманныя, усталыя... Но вотъ на горизонтѣ морскомъ начала загараться заря, и всѣ мы встрепенулись, предчувствуя нѣчто необычайно-эффектное. Мы не обманулись. Сверкнули первые лучи проснувшагося солнца, а вскорѣ и оно само появилось, лѣниво и неуклюже выплывая, какъ будто прямо изъ моря, въ видѣ громаднаго кроваго-краснаго шара, и и все вдругъ около него—и небо и море словно обагрилось яркою, свѣжею кровью. Такое явленіе въ первый моментъ такъ поразило насъ своимъ какимъ-то зловѣщимъ характеромъ, что намъ даже жутко стало.

Но лишь только солнце отдѣлилось отъ моря, быстро затѣмъ поднимаясь все выше и выше, какъ картина начала измѣняться. Тоны неба и моря, видимаго съ Ай-Петри на сотню верстъ, сдѣлались мягче. Туманъ, до того времени окутывавшій горы, нѣсколько разсѣялся, и мы съ высоты въ 600 саженъ, сидя почти надъ самой пропастью, предались нѣмому созерцанію развернувшейся предъ нами очаровательной Южно-Крымской картины, въ ея своеобразной утренней красотѣ. Горы все время остаются подернутыми тончайшей синеватой дымкой, а

внизу подъ нашими ногами на громадное пространство-верстъ на 60 длины разстилается роскошный, всѣхъ оттѣнковъ, узорчатый коверъ изъ разнообразной зелени покрытыхъ росою и ярко освѣщенныхъ солнцемъ парковъ, золотистыхъ виноградниковъ, и лѣсовъ, среди которыхъ торчатъ одинокіе, грозные утесы. Гигантской, бѣловато-сѣрой змѣей извивается гладкое горное шоссе и, какъ вышитыя на коврѣ, рельефно выдѣляются живописно расположенныя по берегу моря имѣнія. Справа виднѣется мѣстечко „Ай-Панда", съ оригинальнымъ произведеніемъ игры природы—горнымъ хребтомъ-„Кошкой". Рядомъ съ нимъ величественная, грузно утвердившаяся въ морѣ, скала „Дива", около которой расположилось Мальцевское имѣніе „Симеизъ", съ красивымъ бѣлымъ дворцомъ и оливковой рощей съ матовой сѣровато-зеленой листвой. Прямо передъ нами внизу раскинулась утопающая въ морѣ яркой зелени „Алупка" съ изящными дачками, надъ которыми царитъ окруженный паркомъ грандіозный Воронцовскій дворецъ и стрѣлой поднимается къ небу стройный минаретъ мечети, окаймленный темной зеленью пирамидальныхъ кипарисовъ. Нѣсколько далѣе, среди персиковой и миндальной рощицъ пріютились у самаго моря дачки въ имѣніи графа Шувалова „Мисхоръ", а выше его, около шоссе расположилось имѣніе Вел. Кн. Александра Михайловича „Ай-Тодоръ" и раскинулись селенія: „Кореизъ" и „Гаспра" съ мрачнымъ, въ готичес-

комъ стилѣ, замкомъ графини Клейнмихель. А вотъ, въ противоположность ему, сверкая на солнцѣ ослѣпительно-снѣжной бѣлизной, привѣтливо ласкаетъ взоръ своимъ изяществомъ и стройностью мавританскаго стиля роскошный дворецъ Велик. Кн. Петра Николаевича въ Его имѣніи „Дюльберъ". Близъ него врѣзался въ море высокій горный мысъ „Ай-Тодоръ" съ башней маяка; здѣсь же, надъ обрывомъ прилѣпилась и виситъ почти въ воздухѣ надъ вѣчно клокочущимъ тутъ моремъ граціозная дачка „Ласточкино гнѣздо". Блестятъ на солнцѣ крыши Императорскихъ Ливадійскихъ дворцовъ. (Не видно только, къ сожалѣнію, „Ореанды", скрывающейся за скалой). Въ подково-образной котловинѣ и по склону зеленѣющихъ горъ красивымъ амфитеатромъ расположилась у берега моря Ялта, окутанная прозрачной синеватой дымкой, сквозь которую виднѣются ялтинскія церкви и купы грустныхъ кипарисовъ на кладбищѣ, раскинувшемся по горѣ. Около мола мѣрно покачиваются на водѣ, словно въ сладкомъ утреннемъ снѣ, морскія суда. Слѣва видны „Массандра", Никитскій ботаническій садъ и вырисовывается медвѣдеобразная гора „Гурзуфъ", кажущаяся съ Ай-Петри громаднымъ молочно-синеватымъ облакомъ, рѣзко выступающимъ изъ моря. А далеко, далеко едва замѣтны очертанія Судакскихъ горъ. Кругомъ же на необозримое пространство нѣжно синѣетъ и искрится море, лѣниво ласкаясь къ берегу своими волнами. На горизонтѣ

его тянутся другъ за другомъ корабли, скорѣе похожіе отсюда на стаю чаекъ.

Вся эта роскошная, грандіозная панорама произвела на насъ какое-то ошеломляющее впечатлѣніе, которое усиливалось и неостывшимъ еще впечатлѣніемъ зловѣще-красивой картины восхода солнца и необычайностью обстановки, среди которой мы находились: на громадной высотѣ, почти на краю гигантской, отвѣсной скалы. У насъ духъ захватывало отъ волненія, и мы очарованные прилегли почти надъ самой пропастью неподвижные и безмолвные, словно загипнотизированные глазами очковой змѣи. Мы чувствовали, какъ постепенно лишаемся собственной воли, и какъ какая-то страшная, непреодолимая сила влечетъ насъ ринуться въ эту живописно-разверзавшуюся предъ нами пропасть. Въ сладостномъ опьяненіи отъ восторга предъ грандіозной картиной намъ, вѣроятно, казалось, что у насъ выросли могучія крылья, какъ у тѣхъ царственныхъ орловъ, которые гордо рѣяли здѣсь надъ нами. И мы медленно, но безотчетно-настойчиво ползли и ползли къ самому краю бездонной пропасти. Вотъ уже она зіяетъ передъ нами своей пастью... Сознаніе оставило насъ. Мы свѣсили надъ пропастью свои головы и... Стремглавъ съ сумасшедшимъ хохотомъ подлетѣли къ намъ въ это время нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ, проспавшіе восходъ солнца и торопившіеся хоть что-нибудь застать. Все наше очарованіе, конечно, тотчасъ разсѣялось;

только холодныя, выступившія мѣстами, капли пота, да нѣсколько неестественно нервное возбужденіе говорили о пережитыхъ нами минутахъ.

Тотчасъ послѣ прихода запоздавшихъ, всѣ мы расположились уже подальше отъ края пропасти и въ большей уже безопасности отъ измѣнявшей собственной воли начали жизнерадостно наслаждаться такъ очаровавшей насъ картиной, жадно вдыхая въ себя горно--морской воздухъ, волнами врывавшійся въ въ грудь.

Но спустимся теперь съ высоты орлинаго полета и возвратимся снова къ оставленной нами красавицѣ-Алупкѣ, которая, вѣдь, тоже имѣетъ чаръ не менѣе, чѣмъ ея вѣнценосный стражъ—Ай-Петри, но только ужъ не такого опаснаго характера, какъ онъ.

Чары Алупки во всей полнотѣ и силѣ развертываются въ лунные вечера. Волшебная, обыкновенно, бываетъ картина, когда все погружается въ трепетныя волны мягко-серебристаго, ласкающаго свѣта луны, томно смотрящей съ глубокой синевы южнаго неба.

Шумными, безпрерывными потоками любители природы стремятся въ такіе вечера къ Альгамбрѣ Воронцовскаго дворца, гдѣ въ это время особенно много бываетъ разлито поэзіи; и уже по пути туда, проходя паркомъ, они достаточно какъ бы наэлектризовываются крымской природой. То тутъ, то тамъ неожиданно и безшумно появляются имъ на дорогѣ какіе-то ночные, зловѣще-молчаливые «призраки»

въ плотно облегающемъ покрывалѣ, заставляя иногда невольно, съ оттѣнкомъ жуткости отшатнуться назадъ: то-гигантскіе, непроницаемо-густые пирамидальные кипарисы неосвѣщенной своей стороной вырисовываются на фонѣ моря и неба, ярко озаренныхъ луной, загадочными, совершенно черными силуэтами.

Придя къ „Львиной террасѣ" дворца, всѣ располагаются на ней и на ступенькахъ широкой, длинной лѣстницы, среди безмолвныхъ могучихъ львовъ; и своими живописными, замершими отъ восторга, группами и изяществомъ свѣтлыхъ костюмовъ, гармонирующихъ съ сказочно-волшебной обстановкой, они дополняютъ и оживляютъ поэтичную картину.

Раскинувшееся звѣзднымъ шатромъ глубокое, южное небо служитъ роскошнымъ фономъ, на которомъ отчетливо выступаетъ громада мощныхъ скалъ красавца Ай-Петри. Горделиво стоитъ облитый луннымъ блескомъ величественный княжескій дворецъ съ своей поэтичной Альгамброй, охраняемой могучими львами. На безпредѣльномъ морѣ сіяетъ широкая у горизонта и узкая у берега лунная дорожка, какъ будто составленная изъ золотистой и серебряной, чуть замѣтно дрожащей, чешуи, которую отъ времени до времени прорезываетъ ...

Мягкій, дышущій нѣгой, южно-крымскій воздухъ пропитанъ опьяняющимъ ароматомъ магнолій,

розъ и прочихъ цвѣтовъ, красивымъ мозаичнымъ поясомъ охватывающихъ бѣло-мраморные фонтаны, звонко журчащіе и разливающіе вокругъ себя пріятную прохладу.

Тишина въ самомъ паркѣ почти нѣмая; нарушается только развѣ неумѣстной болтливостью ручьевъ, нескромнымъ говоромъ отдаленныхъ водопадовъ, да таинственнымъ шепотомъ вѣчныхъ лавровъ и кипарисовъ; а временами долетаетъ едва слышный музыкальный рокотъ моря, словно благодушное ворчаніе царственнаго тигра, предавшагося нѣгѣ.

Но вотъ наступаетъ для магометанъ часъ ночной молитвы, и надъ паркомъ плавно несутся, замирая въ пространствѣ, мягкіе, заунывные звуки красиво вибрирующаго голоса муэзина, который усердно, не жалѣя своихъ легкихъ, взываетъ съ своего минарета, приглашая правовѣрныхъ въ мечеть. И каждый изъ нихъ отовсюду ретиво спѣшитъ на призывъ... Начинаютъ понемногу расходиться изъ парка и другіе „поклонники и поклонницы луны" и вообще крымскихъ красотъ.

Придя домой, располагаешься, бывало, подъ сводомъ двухъ развѣсистыхъ орѣховъ и оживленно, подъ вліяніемъ переживаемыхъ впечатлѣній, бесѣдуешь съ своими знакомыми, любуясь въ то-же время красавицей Алупкой съ нѣжно ласкающимся къ ней моремъ и прислушиваясь къ музыкальнымъ звукамъ, которые волнами несутся отовсюду, словно каждый уголокъ Алупки съ примыкающимъ къ

ней паркомъ постепенно наполняется невидимыми, ночными музыкантами. Здѣсь раздается пѣніе, тамъ —игра на віолончели и скрипкѣ; въ одномъ мѣстѣ —звуки рояля, въ другомъ—свирѣли; и все это— на фонѣ трескучаго оркестра кузнечиковъ.

Особенно оригинальна и пріятна бываетъ въ это время игра на свирѣли, когда она въ рукахъ туземца-виртоуза, который, сидя гдѣ-нибудь на крышѣ сакли, заражается ядомъ разлитой кругомъ поэзіи и невольно извлекаетъ изъ незатѣйливаго своего инструмента чудные, чарующіе, то нѣжные и томные, то бурные и страстные, то-меланхолическіе звуки, звонко струящіеся въ чистомъ ночномъ воздухѣ и глубоко хватающіе за напряженныя въ это время струны сердца. И не мало нужно силы воли, чтобы рѣшиться, наконецъ, идти въ объятія Морфея, да и не скоро послѣднему овладѣть человѣкомъ: послѣдній долго еще находится во власти волшебныхъ чаръ Крымской красавицы—Алупки.

1899 г. Казань.

